

x ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О САМОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ

Историческій очеркъ
философскихъ воззрѣній и законодательствъ о самоубійствѣ.

П. Р. Булацель.

„Nullum est jam dictum quod non sit dictum prius.“
(Terent. Eunuch. Prol. 41.)

„Nous ne connaissons pas de questions plus grave, et plus complexe qui touchent à la nature de l'homme que la question du suicide.“
(Desétangs).

„L'étude du suicide touche aux grandes questions sociales de notre époque, liberté, éducation, paupérisme, travail, salaire, famille, propriété, avenir des artisans, de la société.“
(Brierre de Boismont).

„Les conférences du philosophe Hégésippe sur l'immortalité de l'âme impressionnent si vivement ses auditeurs que beaucoup vont se tuer après l'avoir entendu.“
(Legoyt).

„Молодой, здоровый, богатый и любимый Римлянинъ Клеомбротъ прочитавъ разсужденіе Платона въ Федонѣ о безсмертіи души, убилъ себя единственно изъ жажанія скорѣе переселиться въ лучший безсмертный міръ.“
(Legoyt.)

Ревель, 1894.

Печатна Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

RLS

BUL

МАР 4 1891

Доволено цензурою. — Ревель, 27 Августа 1894 г.

2

231

ИЗСЛЕДОВАНИЯ О САМОВОЛЬНОЙ СМЕРТИ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ
ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРѢНІЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЪ
О САМОУБИЙСТВѢ.

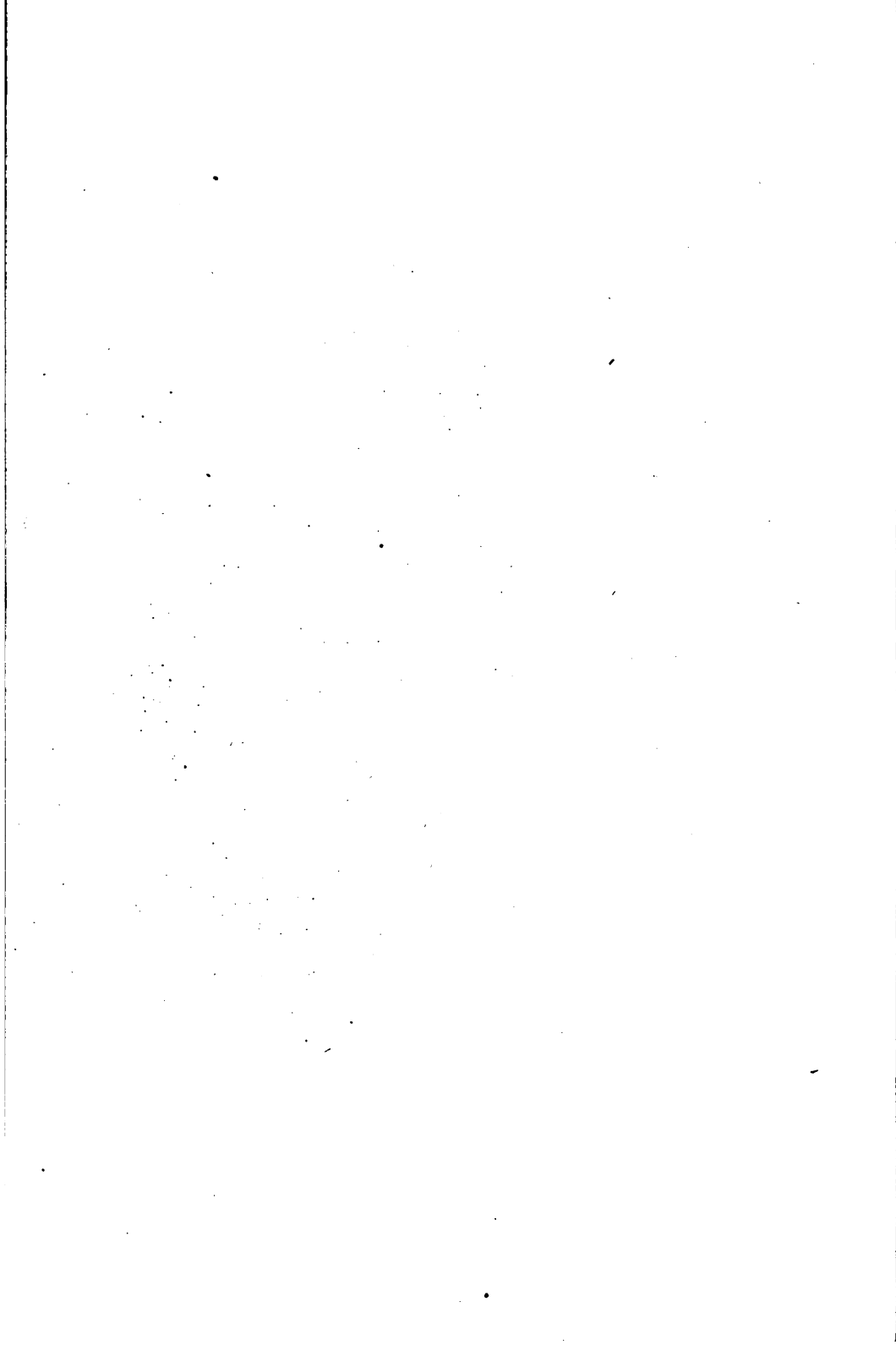
П. О. Булацель.

Посвящается З. В. . .

„Vivre — c'est mourir“, j'avais dit le jour
Où je compris mon amour desastreux;
„La terre est mon exil et le ciel mon séjour,
„La nature a un terme pour nous rendre heureux!“
Et je fis ce travail en mettant en ouvrage
Mes idées pessimistes sur ces pages.
*Recevez donc cet envoi d'un jeune insensé
Au quel la vie est à charge et la mort recherchée.*

Письмо самоубійцы:

„Я иду впередъ къ моему небесному Отцу; я буду
„жаловаться Ему на то, что злые люди отняли тебя
„у меня и Онъ будетъ утѣшать меня, пока ты тоже
„не придешь. Я полечу тогда къ тебѣ на встрѣчу,
„я схвачу тебя и останусь съ тобою въ вол-
„нахъ небснаго эфира предъ лицомъ Безконечнаго
„въ вѣчныхъ объятіяхъ.“ (Гёте.)

Введение.

Вертеръ никогда не дымалъ
тайны изъ своего намеренія по-
кинуть міръ. (Фёте).

Едвали о какомъ нибудь другомъ предметѣ говорилось и писалось такъ много, какъ о самоубійствѣ. Если-бы собрать всѣ сочиненія, появившіяся въ печати въ Западной Европѣ, посвященныя изученію этого вопроса, то составила-бы огромная и весьма интересная библіотека.

Многія изъ этихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, Бріерра де Баумона «Du suicide et de la folie suicide» выдержали по нѣскольку изданій и при всемъ томъ вопросъ о самоубійствѣ не дѣлается избитымъ, исчерпаннымъ... Напротивъ того интересъ къ изученію этого грустнаго явленія человѣческаго общества растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается склонность къ самоубійству. Данные статистики свидѣтельствуютъ, что количество самоубійствъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ возрастаетъ почти повсемѣстно съ неимоверною быстротою. Чѣмъ же объяснить такой ростъ? Можно-ли бороться съ этимъ зломъ? Можно-ли установить особенности современнаго

общественнаго строя, наиболѣе гибельно вліяющія на наклонность къ самовольному лишенію себя жизни? Какъ смотрѣли на самоубійство законодатели и мыслители у различныхъ народовъ? Вотъ вопросы, которые занимаютъ cadaго, кто приступаетъ къ изслѣдованію этого грустнаго явленія въ исторіи человѣчества. Медицина, фізіологія, религія, философія, исторія, статистика и законовѣдѣніе даютъ намъ громадныя матерьялы для изученія вопроса о самоубійствѣ. Но скромный афоризмъ Теренція «*nullum est jam dictum quod non sit dictum prius*», выставленный нами въ началѣ этого сочиненія, свидѣтельствуетъ, что, принимая изданіе этого нашего изслѣдованія о самовольной смерти, мы были далеки отъ слишкомъ смѣлаго желанія произнести послѣднее слово науки по такому сложному и важному предмету, какъ вопросъ о самоубійствѣ. И при всемъ томъ мы не можемъ не отмѣтить того факта, что наша русская литература очень бѣдна сочиненіями на эту тему въ сравненіи съ литературой западной Европы.

Нисколько не заблуждаясь относительно недостатковъ и неполноты настоящаго нашего труда, мы всетаки утѣшаемъ себя сознаніемъ, что до сихъ поръ въ русской литературѣ еще не существовало историческаго изслѣдованія о самоубійствѣ съ точки зрѣнія философіи и законовѣдѣнія. Вотъ почему, предлагая на судъ читателей этотъ первый опытъ исторіи самоубійства, мы постарались расширить кругъ нашихъ читателей и для этого вмѣсто сжатаго историческаго очерка законодательствъ, пред-

ставляющаго интересъ только для юристовъ, мы внесли въ это сочиненіе о смерти болѣе живой элементъ, достойный вниманія даже не интересующихся юриспруденціею читателейъ.

Мы приводимъ не только законы, статьи, декреты и указы, каравшіе несчастныхъ самоубійцъ, мы не только излагаемъ взгляды философовъ, какъ осуждавшихъ, такъ и одобрявшихъ самоубійство, но мы на каждомъ шагу стараемся, описывая выдающіеся случаи историческихъ самоубійствъ, по возможности воскресить жизнь умершихъ поколѣній съ ея достоинствами и пороками, страстями и слабостями, героическими подвигами и заблужденіями, съ борьбою между самыми разнообразными чувствами, управляющими человѣческими поступками, съ ея стремленіями къ славѣ, къ правдѣ, къ вѣчному блаженству, съ ея мученіями оскорбленнаго самолюбія, отвергнутой любви, непризнаннаго таланта, утраченной свободы

Въ 1882 году въ Петербургѣ вышелъ въ свѣтъ опытъ статистическаго изслѣдованія Лихачева о самоубійствѣ въ западной Европѣ и въ Европейской Россіи. Въ этомъ чрезвычайно интересномъ трудѣ авторъ говоритъ о современномъ состояніи самоубійства, изучая его съ точки зрѣнія нравственной статистики. Исторія-же законодательства и религіозныхъ воззрѣній на самоубійство совсѣмъ не вошла въ содержаніе этой книги. Еще раньше, а именно въ 1859 году, въ Петербургѣ было издано сочиненіе врача Ольхина «о самоубійствѣ въ медицинскомъ отношеніи». Это сочиненіе, какъ показываетъ самое

заглавіе, посвящено изученію интересующаго насъ вопроса, какъ явленія психическаго организма, разсматриваемаго съ точки зрѣнія медицины. Въ началѣ книги Ольхина имѣется историческій очеркъ самоубійства, впрочемъ чрезвычайно краткій всего на 32 страницахъ. Болѣе обстоятельное изложеніе выдающихся случаевъ самоубійствъ всѣхъ эпохъ можно найти въ сочиненіи гр. Дзѣдушицкаго «Самоубійство». Сочиненіе это въ переводѣ на русскій языкъ издано въ Кіевѣ въ 1878 году. Въ немъ скомпилированы такъ-же философскія и религіозныя сужденія за и противъ самоубійства, изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ. Къ сожалѣнію въ этомъ сочиненіи совсѣмъ не упоминается о Россіи и о древнихъ обывателяхъ сѣверной Европы.

Нѣсколько устарѣлое, но довольно обстоятельное изслѣдованіе о самоубійствѣ въ Россіи принадлежитъ Веселовскому (журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1847 г. кн. V). Затѣмъ можно еще упомянуть объ отдѣльныхъ небольшихъ монографіяхъ, разсматривающихъ, впрочемъ, самоубійство слишкомъ односторонне, каковы статья Пономарева о самоубійствѣ въ III т. сборника сочиненій по судебной медицинѣ изд. 1880 года; незначительная брошюрка 1889 г. профессора Казанскаго университета Гвоздева о самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ зрѣнія; монографія И. А. Неззорова «о самоубійствѣ», заключающая въ себѣ очень добросовѣстное изслѣдованіе о самоубійствѣ съ точки зрѣнія религіи и нравственности. Всѣми этими источниками мы пользовались посколькѣ въ

нихъ мы могли найти матеріалъ, относящійся къ намѣченной нами задачѣ изложить исторію законодательствъ и религіозныхъ воззрѣній на самоубійство. Само собою разумѣется, что эти источники оказались слишкомъ скудными, такъ что пришлось обратиться къ сочиненіямъ Германскихъ и Французскихъ писателей. У Ингофера въ его сочиненіи «Der Selbstmord» изд. 1886 г. въ Аугсбургѣ весьма подробно изложены различныя философскія воззрѣнія о самоубійствѣ съ нравственной и религіозной точекъ зрѣнія. Сужденія преп. Августина, Доне, Робека и Юма цитируются нами по Ингоферу. Въ сочиненіи доктора Лизле «Du suicide statistique, medecine, histoire et législation» очень подробно изложено законодательство о самоубійствѣ въ Индіи, въ Греціи, Римѣ и во Франціи, но о другихъ странахъ Lisle почти совсѣмъ не упоминаетъ. Въ сочиненіи Legoit «Le suicide ancien et moderne» мы заимствовали многія свѣдѣнія о выдающихся случаяхъ самоубійствъ у различныхъ народовъ. Кромѣ того мы пользовались въ подлинникахъ сочиненіями Бриеппа де Буамона «Du suicide et de la folie suicide»; Desétangs «Suicide politique en France»; Oettingen: «Ueber akuten und chronischen Selbstmord», Руссо, Вольтера, Г-жи Сталь, Паскаля, Луи-Бертрана «Traité du suicide considéré dans ses rapports avec la philosophie, la théologie, la medecine et la jurisprudence» изд. 1857 г.; Гёте, Шопенгауера, Пахмана, Таганцева, Кистяковского и др., ссылки на которыхъ сдѣланы въ своемъ мѣстѣ.

Мы хотѣли дать читателямъ доказательство того, что самоубійство, это зло, уносящее въ Европѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше жертвъ, явленіе столь-же старое, какъ и міръ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди, существуетъ и самовольная смерть. Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что рядомъ съ немногими атеистами, рѣшившимися на самоубійство и съ многочисленными недостойными людьми, избѣгавшими правосудія посредствомъ самоубійства, отъ собственной руки погибло такъ-же великое множество выдающихся людей, умѣвшихъ любить и надѣяться, вѣровавшихъ въ загробную жизнь, отличавшихся гениальнымъ умомъ, талантами и добродѣтелями.

Громадное количество историческихъ фактовъ, собранныхъ въ нашемъ изслѣдованіи о самовольной смерти, служатъ доказательствомъ того, что самоубійства совершаются большею частью въ здоровомъ разсудкѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ умопомѣшательства. Въ этомъ отношеніи почти на нашей сторонѣ стоятъ такіе авторитеты какъ докторъ Lisle, Debreigne и Desétangs. Большинство-же писателей придерживается мнѣнія Brierre de Boismont и Legoyt, что большая часть самоубійцъ лишаетъ себя жизни въ состояніи душевнаго аффекта и что только очень немногіе самоубійцы вполнѣ спокойно и сознательно дѣйствуютъ въ то время, когда прерываютъ нить своей жизни. Но есть и такіе писатели, которые подобно доктору Faret въ его сочиненіи «De l'hipochondrie et du suicide» Paris 1822 г. разсматриваютъ само-

убійство только съ медицинской точки зрѣнія и не признають, чтобы нормальный человѣкъ, могъ самовольно окончить свою жизнь. Мы не сочли-бы нужнымъ упомянуть о незначительной брошюрѣ профессора Гвоздева, если-бы въ ней онъ не высказалъ крайне несправедливаго сужденія, что всѣ самоубійцы безъ исключенія всегда были люди умопомѣшанные и что самоубійство иначе нельзя назвать какъ проявленіемъ умственной дѣятельности, достигшей послѣднихъ границъ своей ненормальности. Если-бы профессоръ Гвоздевъ былъ правъ, то пришлось-бы считать умопомѣшанными: погибшаго отъ самоубійства Ганибала, про котораго знаменитый нѣмецкій историкъ Момзенъ сказалъ, что онъ былъ гениальнѣйшимъ полководцемъ и государственнымъ мужемъ древняго міра; царя Митридата понтійскаго, передъ которымъ дрожали даже Римляне; Демосфена, Фемистокла, уму и талантамъ которыхъ мы удивляемся до сихъ поръ.

Неужели-же Римскій Императоръ Оттонъ былъ умалишенный, когда за минуту до своего самоубійства давалъ свой знаменитый отвѣтъ воинамъ, уговаривавшимъ его вести ихъ въ битву противъ Вителія? Развѣ всѣ эти мыслители и ученые прошедшихъ вѣковъ Аристиппъ, Зенонъ, Кюкцій-Нерва, Маркъ-Аврелій, Доне, Робекъ, Монтескье, Руссо, Гольбахъ, одобрявшіе самоубійство и даже санкціонировавшіе его своимъ примѣромъ, были сумасшедшими. А знаменитый химикъ и астрономъ, жившій въ XV вѣкѣ по Рожд. Хр., Іеронимъ Барданъ, уморившій себя голодомъ, съ одинаковымъ успѣхомъ

можетъ быть причисленъ къ сумасшедшимъ какъ и къ гениальнымъ людямъ, потому что его умъ и обширныя научныя познанія удивляли современниковъ. А. Графъ Saint-Simon, творецъ соціальной системы, выстрѣлившій себѣ въ глазъ изъ пистолета и спасенный отъ смерти усиліями медиковъ, доказалъ, что самоубійство иногда совершается не только при полномъ разсудкѣ, но и съ поразительномъ хладнокровіемъ. Сердце у Saint-Simon билось ровно, и даже пульсъ, по свидѣтельству доктора, не былъ у него ускоренъ, хотя онъ истекалъ кровью, послѣ только что совершеннаго покушенія на самоубійство. Послѣ этого Saint-Simon продолжалъ свои прежнія ученыя занятія и написалъ свое замѣчательное сочиненіе о соціалогіи; противъ его теорій правда, можно возразить весьма многое, можно даже порицать ихъ, но во всякомъ случаѣ труды Saint-Simon'a свидѣтельствуютъ о необычайной силѣ и ясности его ума.

Само собою разумѣется, что Фридрихъ Великій не былъ умалишеннымъ и что умственная его дѣятельность не доходила до крайнихъ предѣловъ ненормальности, хотя мысль о самоубійствѣ никогда не покидала этого великаго монарха и онъ постоянно носилъ съ собою склянку съ ядомъ.

Начавъ нашъ историческій обзоръ законодательства и философскихъ воззрѣній о самоубійствѣ съ самыхъ отдаленныхъ временъ человѣческой исторіи, мы заканчиваемъ его девятнадцатымъ вѣкомъ, причемъ еще разъ считаемъ нужнымъ оговориться,

что подробные статистическіе выводы о современномъ состояніи самоубійства въ Европѣ вовсе не входятъ въ предметъ настоящаго изслѣдованія, такъ же точно, описывая выдающіеся историческія случаи самоубійства мы почти совсѣмъ не касаемся послѣдней четверти нашего XIX вѣка, такъ какъ судить о причинахъ смерти, характерѣ и достоинствахъ даже такихъ выдающихся лицъ, какъ французскаго генерала Буланже, застрѣливагося въ 1891 году на могилѣ госпожи Бонемонъ, въ настоящее время намъ возможно лишь по газетнымъ свѣдѣніямъ, а эти свѣдѣнія далеко не всегда достовѣрны.

Самоубійство въ Древнемъ мірѣ.

„Всѣ живыя существа ищутъ счастья и из-
бѣгаютъ страданія.“ (Аристотель.)

„И раскаялся Господь, что создалъ человѣка
„на землѣ и возскорбѣвъ въ сердцѣ Своемъ.“
(Книга Бытія гл. 6 стихъ 6).

Въ ту эпоху, когда выше всего ставилась личная храбрость, когда народы носили свое право и законодательство на остріѣ своего меча, когда съ утратою свободы человѣкъ терялъ всѣ человѣческія права, все что ему было дорого и мило, очагъ, семью и становился рабомъ, обреченнымъ влачить жалкое существованіе вдали отъ родины, тогда, понятно, только трусы предпочитали рабскую жизнь добровольной смерти; но для храбраго не было колебаній: онъ спѣшилъ самоубійствомъ предупредить потерю свободы. Религія не препятствовала этимъ самоубійствамъ, напротивъ того религія древнихъ обитателей Европы Кельтовъ, учившая, что человѣческая душа безсмертна и способна къ переселеніямъ, одобряла рѣшимость окончивать жизнь самоубійствомъ, если свободѣ угрожала опасность. Въ древней Швеціи вошло въ обычай, что старики, не дожидаясь естественной смерти, бросались съ

Самоубій-
ство у
сѣверныхъ
племенъ
Европы.